

Пролог

МИЛАНА

В жизни и в драке главное — сгруппироваться и терпеть. Так я думала. Это было моим главным правилом, пока мне не пришлось выучить новое. Но тем холодным ноябрьским вечером я еще жила по-старому. Поэтому лежала в луже, подтянув колени к подбородку и прикрыв голову руками.

Шапка давно слетела, но мне не было ее жалко. Она не моя, мне ее выдали. А я ненавидела все, что выдавали.

— Поднимайся, белобрысая!

— Подровнять тебе прическу?

Крепко зажмурившись, я постаралась оглохнуть. Чужой ботинок поддел мой локоть. Не больно. Они вообще били не сильно, скорее, унижительно. Больше трепали морально. Кружили, как хищные птицы, бросали оскорбления, издевались. Но я знала, что надо делать.

Терпеть. Терпеть. Вдохнуть. Выдохнуть. Снова терпеть.

— Э! — Зычный возглас прорезал холодный воздух, и что-то изменилось.

Коршуны забили крыльями. Заволновались.

— Э, Макар, вы что творите? — суровый мальчишеский голос заставил вздрогнуть и меня. — Это же девчонка.

— Это детдомовская шушера.

— Мы девчонок не трогаем, других шугай. Вон их сколько.

«Их» было и правда много, стояли у забора и тоже наблюдали. Среди них я тоже была чужая, защищать меня им не было резона. Для этих — детдомовская, а для тех — домашняя. Где я была на самом деле? В холодной луже. Думаю, так.

— Кир, да че ты, это шваль.

— Скройся.

— Кир.

— Я сказал, скройся! И остальных забери.

И они ушли. Вот так просто. Оставили добычу недоеденной. Недостаточно растоптанной.

Я открыла глаза. Между своих рук смотрела на мокрый асфальт. Ушли? Все ушли? Белые кроссовки появились в моем узком поле зрения. Неестественно белые. Все вокруг серое, с чего им быть такими яркими?

— Живая?

Я молчала. Лежала в луже. Это мое место.

Он присел на корточки и потянул меня за грязный рукав куртки.

— Вставай.

Его голос уже сломался. В нем сквозили повелительные и немного ленивые нотки. Я села. Вроде бы это компромисс. Бросила на него затравленный взгляд. Широкое лицо, высокие скулы, зеленые, чуть раскосые глаза. Из-под шапки, лихо сдвинутой на затылок, торчали русые волосы. Не то чтобы светленький, не то чтобы темненький. Он был пугающим, но я не боялась.

— Хочешь бесплатный совет? Выкупи главного и бей первая. Тогда тебя не тронут.

Урок номер раз.

Глава 1

Я стою перед зеркалом и накручиваю свои синие волосы утюжком. Вообще-то он для того, чтобы выпрямлять, но я научилась еще и делать локоны. Ловкость рук и никакого мошенничества. Волосы завиваются и подпрыгивают, едва касаясь плеч. Я вчера подстригла себя сама. Ничего сложного, если внимательно посмотреть пару обучающих роликов.

— Лана, ты не одна! — рычит отец снаружи и для верности ударяет кулаком в запертую дверь.

Я невозмутимо заканчиваю прическу. Плету тонкую косичку и вставляю в нее два металлических колечка. Кажется, все.

Черным карандашом старательно подвожу глаза. Немного туши и румян.

— Лана! — ревет отец из коридора.

Теперь точно все.

Открываю дверь и выхожу.

— Я на работу опаздываю! Сколько можно там торчать?!

Глаза с красными прожилками смотрят зло. Обдав меня запахом перегара, он ломится в ванную, толкая меня плечом.

Улыбаюсь. Всегда улыбайся в моменты слабости, так никто не заметит брешь, в которую можно ударить.

Захожу на кухню и останавливаюсь в дверях. Монотонно бубнит телевизор. На диванчике спит мама. На столе — остатки вчерашних возлияний. Мы явно не семья с коробки сока. Остаться тут мне неприятно, так что завтрак отменяется. Но надо чем-то обмануть желудок, чтобы он не начал

урчать с первого урока. Открываю холодильник, нахожу банан. Быстро делаю кофе и переливаю в термокружку. Уже неплохо. Иногда и этого не бывает.

Параллельно напряженно прислушиваюсь. По звукам понимаю, что отец скоро выйдет, и бегу в свою комнату. Там беру рюкзак и застываю.

Щелчок замка, открывается дверь, он идет по коридору. Злится, походка тяжелая, нервная, я это чувствую. Поворот, шаг, еще шаг. Пора. Выхожу, у порога хватаю кеды и джинсовку, выскакиваю за дверь.

Перевожу дыхание. Идеально.

Обуваюсь у лифта, но на первый этаж иду пешком. Вместо фитнеса — говорю себе. Но на самом деле просто не хочу завтракать на улице. За пятнадцать этажей успеваю съесть банан и выпить кофе. Желудок думает, что он сыт, а я рада, что у меня есть фора по крайней мере до завтрака в школе. Там обману его чем-нибудь другим.

На улице явливаюсь в поток школьников, опаздывающих на первый урок. Надеваю наушники и сую руки в карманы куртки, напускаю безразличный вид, встряхиваю синими волосами. Все в порядке. Я знаю, что надо делать. Просто выкупить главного. Я это умею. Но состояние все равно тревожное.

Что может быть хуже, чем новая школа в одиннадцатом классе? Только школа в плохом районе. И еще явиться в середине сентября. И опоздать на первый урок. Так что у меня полный набор.

Но я все равно иду неторопливо. Ничего хорошего меня там не ждет. Я уже три раза меняла школу, знаю, что это такое. И это только в этом районе.

Пятнадцать минут неспешной прогулки под агрессивный рэп в наушниках, и я на месте. Просто иду к главному входу. Школы все одинаковые, нет смысла ее изучать. На ходу сверяюсь с расписанием в телефоне. Супер. Химия первым уроком.

Я не переобучаюсь, по правде, у меня и сменки-то с собой нет. Охранник молчит, даже не смотрит в мою сторону. Ясно, ему плевать. Не сомневалась. Спасибо, дядь, люблю, когда люди оправдывают мои ожидания.

Иду по пустым коридорам, звонок уже был. Сразу залет. Химичка — мой классный руководитель. По пути заруливаю в женский туалет и поправляю у зеркала макияж. Взбиваю пальцами волосы. Наношу на губы голубой блеск. Погнали.

У двери класса задерживаю дыхание, собираю всю свою броню, мысленно ее скрепляю. Давай, девочка. Улыбайся. Выкупи главного. Не позволяй себя обидеть.

Стучу три раза. Бам. Бам. Бам. Не жди приглашения, оно тебе не нужно. Распахиваю дверь:

— Здравствуйте.

Хрупкая женщина в больших очках с толстыми стеклами замолкает на середине фразы. Оглядывает меня цепко и быстро. Сканирует. Я не позволяю, смотрю на нее, не мигая.

— Милана? — спрашивает она.

— Да.

— Заходи.

Она улыбается, и лицо ее вмиг становится светлым и доброжелательным, я даже теряюсь. Захожу и останавливаюсь у доски. Машинально думаю о том, как одета. Черная плиссированная юбка с двумя толстыми цепями на бедре, белая футболка. Джинсовка через локоть, черные тонкие кол-

готки, кеды. Здесь нет формы, я не пыталась выглядеть хорошей девочкой, просто так вышло.

— Что ж, одиннадцатый «бэ», знакомьтесь, ваша одноклассница, Милана Кицаева.

— Киса, значит, — раздается с задних парт грубо и немного лениво, но я не вижу, кто говорит.

Все перешептываются, кто-то присвистывает.

— Милана? А че не Мальвина?

— Киц-киц-кица!

— Фигурка огонь!

— Милая Милана, а новенькая ничего.

Я не реагирую. Я таких знаю. Это зверье, не дети.

Ориентируюсь на слух, глазами стараюсь не бегать. Разворачиваю свои внутренние локаторы на полную мощность. Первые парты мимо. Брюнетка на третьей — важная. Девчонка рядом — камеристка при королеве. Но это еще не то. Четыре парня на задних — вот кто мне нужен. Оттуда летят все основные комментарии и реакции. Я вижу троих, мажу по ним взглядом. Не то. Четвертого закрывает очкарик на предпоследней парте. Я чуть сдвигаюсь в сторону. Вижу локоть, крепкое плечо в синем бомбере. Позволяю себе заглянуть еще дальше. Широкое лицо, высокие скулы. Мы наконец встречаемся глазами. И из меня разом выбивает весь кислород. Зафиксируйте время смерти, у нас остановка сердца. Не проводите реанимационные мероприятия, пациент в слишком большом шоке. Мои зрачки, готова поспорить, расширяются, как будто я под чем-то. Грудная клетка застывает.

Окей, хорошая новость — я выкупила главного. Плохая — это тот, кто меня этому научил.

Глава 2

— А ну-ка тихо! — химичка стучит ребром учебника по столу. — Я сказала, тихо!

Но стадо ей уже неподконтрольно. Ржут, глумятся. Изучают меня с ног до головы. Но я смотрю только на него. А он — на меня. Узнал? Вряд ли. Слишком много времени прошло. Мне было двенадцать. Волосы, одежда — теперь все другое. — Все, кроме одного, но, надеюсь, парень этого не запомнил. А он дал мне важный урок, поэтому я-то всегда помнила мальчишку в белых кроссовках. Искала, конечно. И вот нашла. Зачем только сейчас?

Он смотрит на меня из-под полуопущенных век. Во всем облике сквозит наглость и какая-то сдержанная агрессия. Изучает мое лицо, волосы, спускается взглядом ниже, путешествует по ногам вместе с волной дрожи, которая меня охватывает. Возвращается к лицу. Потом наклоняется к соседу по парте и что-то говорит. Тот взрывается лающим смехом.

— Насмотрелись? — говорю жестко, и зверье удивленно притихает.

— Еще нет, — говорит он, и я узнаю эти ленивые нотки, — покрутись.

Теперь замолкают все. Даже химичка. Такое ощущение, что ей самой интересно, что дальше будет.

Я скрещиваю ноги и медленно поворачиваюсь вокруг своей оси, раскинув руки в стороны. Кто-то снова присвистывает, что за тупая привычка.

Возвращаюсь в исходное положение и склоняю голову набок:

— Теперь ты.

— Кир, а новенькая с зубами, — говорит один из его парней.

Почему его? А здесь все его. Много ума не надо, чтобы понять.

Он встает, отодвигая стул, скидывает бомбер и остается в черной футболке. Да, с того темного ноября он вырос. Стал высокий, весь какой-то крепко сбитый, внушительный. Засовывает руки в карманы джинсов и медленно поворачивается.

Весь класс смотрит. Я поджимаю губы и качаю ладонью из стороны в сторону, показывая, что не очень довольна тем, что увидела.

— Так, Разгильдеев, сядь! — наконец говорит химичка.

Я улыбаюсь. На этот раз мне и правда смешно.

— Какая говорящая фамилия, — замечаю громко и поворачиваюсь к учителю: — Анна Дмитриевна, я сяду?

Она машет рукой:

— Да, Милана.

Я иду к очкарику, который сидит перед Кириллом. Останавливаюсь и постукиваю пальцем по парте:

— Здесь свободно?

Очкарик зачем-то оборачивается назад. Кир едва заметно ему кивает.

— Свободно, — говорит он с какой-то неприязнью.

— Подвинешься? Не хочу сидеть у окна.

Парень поджимает губы, негодуяще пыхтит, но сдвигается на соседнее место.

— Расслабься, — приземляюсь рядом. — Я слабеньких не ем.

— Смотри, как бы тебя не съели, киса.

Я оборачиваюсь и смотрю ему в глаза. Против воли опускаю взгляд к губам. Несмотря на суровое, бесстрастное выражение лица, они от природы изогнуты уголками наверх. Как будто он рожден, чтобы улыбаться.

— Подавишься, Кир.

Умышленно добавляю его имя. Хочу показать, что не боюсь. Хотя от дикого стресса меня почти трясет, еще немного — и заклинит шею. Когда нервничаю, меня всегда подводят мышцы. Я быстро отворачиваюсь, потому что чувствую приближение спазма.

Достаю учебник химии и тетрадь. Рассеянно прислушиваюсь к тому, что гонит Анна Дмитриевна. Я это уже знаю. Привыкла учить наперед, чтобы не было проблем с успеваемостью. Потому что это — крючок для опеки.

— Как тебя зовут? — шепчу очкарику.

Смотрит на меня, как на диковинную зверушку. Совсем, что ли, не привык, чтобы с ним разговаривали?

— Ваня, — выдает в итоге.

Я хмыкаю. Ну еще бы. Иван. Совсем не Грозный.

— Будем дружить, Ваня, — говорю утвердительно.

Он косится недоверчиво. Пальцем упирается в «мостик» очков. Задротский жест. Ничего, Ваня, я тебя исправлю.

— Не делай так. Выглядишь как дебил.

— Тебе-то какое дело?

— Так ты ж теперь мой друг. Не могу дружить с дебиллом.

Химичка поворачивается от доски:

— Кицаева, Ваняев, что-то вы быстро спелись.

— Извините! — говорю ей, а потом поворачиваюсь к очкарику. — Ваня Ваняев, серьезно? Вообще без шансов на спокойное детство.